

RU

Художественно-философское осмысление детства
в рассказах Алима Теппеева о войне и выселении

Сарбашева А. М.

Аннотация. Цель исследования - определить специфику художественно-философского осмысления феномена детства в рассказах А. Теппеева, посвященных Великой Отечественной войне и депортации. Научная новизна работы заключается в том, что тема детства как самостоятельный предмет изучения впервые рассматривается в рамках творчества балкарского классика в контексте различных ситуативных факторов, связанных с социальной, исторической, этнонациональной проблемами. В результате проведенного исследования выявлены особенности детского мировосприятия в условиях войны и выселения, рассмотрены проблемы духовной эволюции детей, преемственности поколений, характер взаимоотношений между детьми и взрослыми, что позволило осветить философские, социальные, психологические аспекты человеческого бытия.

EN

Artistic and Philosophical Interpretation of Childhood Theme
in Alim Teppeev's War and Deportation Stories

Sarbasheva A. M.

Abstract. The paper aims to reveal specificity of artistic and philosophical interpretation of the childhood theme in Alim Teppeev's stories about the Great Patriotic War and deportation. Scientific originality of the study lies in the fact that the childhood phenomenon is for the first time examined by the material of the Balkarian classic's creative work, taking into account social, historical, ethno-national factors. The conducted research allows identifying peculiarities of the child's world vision under the war and deportation conditions. The researcher tackles a wide range of moral and ethical issues (child's spiritual evolution, intergenerational continuity, nature of child-adult relations), which makes it possible to reveal philosophical, social, psychological aspects of human existence.

Введение

Актуальность исследования обусловлена научной новизной заявленной темы в рамках творчества национальных писателей, располагающих в своем эстетическом арсенале достаточным количеством произведений о детских судьбах в годы Великой Отечественной войны и выселения. В числе таковых – известный балкарский автор, мастер художественного слова Алим Теппеев (1937-2010), сам непосредственно испытывавший в детстве все тяготы военных лет и депортации (1944-1957). Малая проза писателя, посвященная детям, до настоящего времени не рассмотрена в качестве объекта автономного исследования в национальном литературоведении. Необходимость изучения обозначенной темы обусловлена одновременно потребностями современной гуманитарной науки и общества в целом. Данное исследование восполняет имеющийся пробел в освещении литературного наследия А. Теппеева, а также способствует преодолению деструктивных явлений в развитии социума, духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения, успешному решению этнонациональных проблем.

Для достижения указанной цели представляется необходимым решение следующих задач: исследование специфики мировосприятия и духовно-нравственной эволюции детей в социально-историческом контексте, преломления в детском сознании сложных жизненных ситуаций, связанных с войной и выселением, сопряженных с эмоциональными потрясениями; психологический анализ взаимоотношений взрослых и детей в семье и социуме.

Отечественное литературоведение обладает большим опытом в научном осмыслении литературы о детях (имеются в виду исследования В. Александрова, А. Бабушкиной, Ю. Веселовского, И. Лобинского, Е. Зубаревой,

А. Терновского, В. Чуднова и других). Северокавказская филологическая наука в аспекте освещения обозначенного направления отмечена исследованиями региональных ученых Н. Аджаматовой [1], Ф. Мухамедовой [9], А. Атабиевой [2], М. Каракотовой [6], И. Мамиевой [7], составившими теоретическую базу статьи. Так, в работе Ф. Мухамедовой дагестанская детская литература исследуется в идейно-тематическом, жанрово-стилевом, художественно-эстетическом аспектах [9, с. 2]. В монографии А. Атабиевой рассматривается своеобразие балкарской детской литературы, определяются характер и закономерности ее эволюционирования, выявляется жанрово-тематический диапазон произведений, посвященных детям [2, с. 7]. В статье И. Мамиевой в качестве объекта анализа представлена малая проза осетинского писателя С. З. Хугаева в аспекте осмысления образа детства в контексте семьи и среды [7]. Предметами исследования диссертационных работ Н. Аджаматовой, М. Каракотовой являются проблемы развития кумыкской детской поэзии, формирования жанров детской литературы карачаевцев и балкарцев, определение национальной специфики поэтики и стиля произведений о детях [1; 6].

Для решения поставленных задач используются герменевтический, сравнительно-сопоставительный, типологический методы исследования.

Практическая значимость статьи заключается в том, что ее результаты могут быть применены в научных исследованиях, посвященных творчеству А. Теппеева, при проведении лекционных занятий, семинаров по карачаево-балкарской литературе, спецкурсов по теме «Детская литература», при составлении учебно-методических пособий для средних и высших учебных заведений республик Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия.

Специфика мировосприятия и духовно-нравственная эволюция детей

Как показывает эстетический опыт, в отечественной литературе второй половины XX века наблюдается актуализация темы детства в творчестве В. Астафьева, К. Воробьева, П. Проскурина, Ф. Абрамова, В. Белова, Ю. Трифонова, В. Тендрякова, В. Шукшина, в чьих произведениях она находит новаторское воплощение. «В пространстве прошлого писатели 60-80-х годов чаще всего выделяли войну и детство как наиболее яркие жизненные впечатления... Обращённость к детству согласуется в ней (прозе. – А. С.) с народным мироощущением, в соответствии с которым детство содержит в себе огромное очистительное начало» [5, с. 14].

В контексте литературного процесса указанного времени детство подвергается художественно-философскому осмыслению и в творчестве балкарских писателей З. Толгурова («Айгутап» – «Медвежий камень»), Х. Шаваева («Ахмат ишлеген суратла» – «Рисунки Ахмата»; «Тузакъ» – «Неволя»; «Кямил махтанчакъ туююдю» – «Кямил не хвастун»), Ж. Токумаева («Ёксюзню къадары» – «Судьба сироты»), А. Байзуллаева («Ельмезхан», «Къара ийнек» – «Черная корова»), И. Гадиева («Туугъан ташдан кенгде» – «Вдали от родных жилищ») и других авторов, принадлежащих к поколению, опаленному войной и геноцидом [11, с. 270]. Повествование разворачивается на фоне событий сороковых и пятидесятых годов (Великая Отечественная война, депортация), которые преломляются через сознание юных героев, отражаются в их судьбах, накладывают отпечаток на духовный мир. Отмеченные рассказы в большинстве своем автобиографичны, имеют фактологическую основу, поскольку их сюжетные линии выстроены на незабываемых воспоминаниях писателей старшего поколения. Горький жизненный опыт, с одной стороны, и осознание «необходимости нового осмысления... трагических и будничных, бытовых сторон действительности, конфликтов и характеров военной и послевоенной поры» [3, с. 27] – с другой, сподвигнули художников слова на создание произведений, посвященных драматическим периодам в жизни этноса.

В духовном наследии классика балкарской литературы А. Теппеева – очевидца трагических обстоятельств в судьбе народа – произведения о детях занимают центральное место («Кёз тутхан жер» – «Охватываемая глазом земля» (в переводе Ю. Стефановича – «Дед и дом»); «Чохана», «Принци сютлей акълыгы» – «Молочная белизна риса», «Асыралгъан алмала» – «Яблоки до весны»; «Белый ягненок с травинкой во рту» и др.). Детство в художественном осмыслении автора представляется социокультурным ориентиром и ключевой опорой духовно-нравственного развития личности, «как наиболее полное воплощение природного, изначального в человеке и человечестве, как пространство наибольшего заострения нравственных коллизий времени» [5, с. 7]. Оно, как особый вид духовной памяти, является соединительным звеном между прошлым, настоящим и будущим, средством отражения сути человеческих взаимоотношений в обществе. В этом периоде видится предыстория начальной стадии сознательной человеческой жизни, которая прослеживается не только в определенном временном пространстве, но и в характере индивида в процессе его жизнедеятельности.

В эпицентре сюжетов отмеченных произведений А. Теппеева – запечатленные в памяти яркие эпизоды из жизни юных героев в годы войны. Так, в рассказе «Белый ягненок с травинкой во рту» в образе безымянного мальчика воплощено поколение детей, лишенных безмятежного детства. Наивному и светлому детскому миру противопоставляется жестокая действительность, в которой юный герой становится очевидцем стрессовых ситуаций: на глазах ребенка фашисты жестоко избивают отца и арестовывают. Оставшись наедине со своим горем, мальчик погружается в свой внутренний мир, в котором центральное место занимают его четвероногие питомцы – белые ягнята («Наконец он пошел к куче хвороста, нашел вчерашнюю свою палку и выпустил белое стадо из темного сарая. И тотчас же один из ягнят подбежал к нему – белый, кудрявый, озорной, он, соскучившись, нюхал его руки, палку, башмаки и будто спрашивал, глядя на него темными красивыми глазами: “Что случилось?”. Мальчик присел, обнял его, потом взял его на руки, прижался лицом к его мордочке. И хорошо им было – ягненку и мальчику...» [14, с. 93] (здесь и далее перевод Ю. Стефановича. – А. С.)). Союз двух маленьких беззащитных существ – мальчика и белого ягненка – символизирует генетическую несовместимость войны с детством.

Драматизм повествования усиливается гибелью любимого ягненка от разрыва бомбы: «Его мордочка, всегда такая смешная, была оскалена, а из зубов торчала недожеванная зеленая травинка... <...> ...любимый ягненок был теперь страшен. Белая кудрявая шерсть его была окровавлена, кишки лежали в ногах серо-свинцовой грудкой» [Там же, с. 95]. Трагическая картина смерти невинного животного оказывает на читателя эмоциональное воздействие: она ассоциируется с разбитым войной детством малолетнего героя.

В малой прозе писателя на фоне решаемой проблемы нравственного формирования юного героя отчетливо прослеживается «тенденция изображения детей как носителей добра и нравственной чистоты» [12, с. 21]. В контексте сказанного показателен рассказ А. Теппеева «Чохана», в котором двенадцатилетний Башир наряду с взрослыми переживает драмы военного времени. Детское сознание героя идентифицируется автором как мерило нравственности. Антиподом юного героя и воплощенным носителем зла выступает Махмут. Мальчик становится случайным свидетелем того, как уважаемый всеми односельчанин прислуживает немцам. В рассказе исследуется проблема духовной эволюции личности. Испытавший стресс Башир после увиденного позиционируется как взрослый человек, постигший горькую правду жизни («Башир лежал, слушал и не слышал молитв матери, гневных, kloкочущих проклятий деда... Весь следующий день он ничего не ел, очень хотел есть, жевал что-то, но не мог – ком стоял в горле. <...> А на третий день Башир ходил по двору, сидел молча на камне у забора, забыв обо всем, о чем-то напряженно думал, будто в один тот день перестал быть ребенком» [14, с. 84]).

Недетское рассуждение Башира, в котором он пророчит обреченность Махмута и подобных на гибель («Оттого, что Махмут предатель, мы не перестанем побеждать! Вот посмотришь, как мы победим! А Махмут пусть копает себе могилу» [Там же, с. 85]), свидетельствует о духовно-нравственном возмужании юного героя.

Война как разрушительная сила разделяет жизнь подростка на две полярные части. Первая половина – светлая, наполненная дедовскими сказками, которые «будто вплетались в его настоящую жизнь. Каждое слово, сказанное дедом, каждый его поступок, сказка, давняя быль открывали перед ним неведомый доселе мир, давали крылья, учили всему радоваться – луне, деду, траве» [Там же, с. 77]. Вторая часть жизни мальчика омрачена драматическими обстоятельствами, связанными с проводами отца на фронт, когда «и горы, и скалы, и озеро, и Чохана, и луна – лишь однажды отвернулись от него, не ответили на его мучительные вопросы и не увидели его слез...» [Там же, с. 78]. Писателю удается передать психологию ситуации через призму детского сознания: Башир глубоко огорчен не только проводами отца на фронт, но и душевным состоянием своего деда: «Все было удивительно: вдруг стал таким плаксой, молчуном, прямо сирота казанская!.. Но ведь не были они справедливы к Баширу, решив, что все это из-за отца!.. Совсем не поэтому он стал таким. Ему деда жалко, больно за него; проводив своего внука, – Башир ведь только правнук, – дед словно забыл обо всем на свете, молчит и молчит; кончились его сказки, загадки, истории всякие, и оттого в доме, как в высохшем колодце, стало темно и безрадостно» [Там же].

В рассказе А. Теппеева гармонично пересекаются социальная и лирическая линии, связанные с эпохой войны и детством. Юный герой находит в обычных предметах, явлениях, объектах нечто таинственное, загадочное и незаурядное, на что способно только детское восприятие. Особое место в сознании мальчика занимает природа, живая связь с которой является залогом нравственного развития личности. Эстетически созерцая окружающий мир, Башир искренне желает приблизиться к ней. Природа становится для юного героя манящим к себе таинственным миром. Однажды, увидев плывущую по ночному небу полную луну, Башир проявляет когнитивный интерес к небесному телу. В восприятии подростка, познавшего сущность луны со слов деда («А луна охраняет всех нас в темноте. Она видит нашу дорогу и освещает ее. Она учит добру» [Там же, с. 77]), окружающий мир оживает, все более привлекая к себе детское внимание. В повествовании поэтический образ астрономического объекта художественно интерпретируется как связующее звено между героем и миром в целом, а также выполняет психологическую функцию, являясь индикатором его душевного (эмоционального) состояния. «...Башир ждал луну с нетерпением. Когда она всходила, освещая ночное небо, сея на землю такой добрый, серебряный, как борода деда, свет, ему действительно казалось, что и земле от этого хорошо. Он встречал луну, поднявшись на крышу сарая, и так долго он смотрел на нее, что луна вдруг начинала опускаться к нему, а в иные такие сладчайшие минуты она какой-то тайной силой тянула его к себе, тянула, и он поднимался бесконечно долго, мимо него мелькали крохотные и плыли большие звезды...» [Там же].

Нарастающая жажда познания юным героем окружающей среды «утоляется» мудрыми ответами-рассуждениями деда:

«– А камни, дедушка? – спрашивал он в другой раз. – У нас, кроме камней, ничего нет...»

– Э-э, камни... Нет на земле ничего и никого, кто бы знал больше камней. Найди ты кого-нибудь, умеющего молчать, как камни?! А как ты думаешь, у кого нет ума и мудрости, тот может молчать? Камни, камни учат нас в дни бед терпению и стойкости. Много бед было на земле, оттого и много камней...» [Там же, с. 72].

Идейно-эстетическая ценность рассказа заключается в том, что автор через призму детского мироощущения (миросозерцания) постигает тайну человеческих взаимоотношений с природой, демонстрируя их как неделимые части единого целого.

Как показывает анализ, содержание рассказов писателя начинено глубокой детской философией в многомерном восприятии реальности, эстетическом видении мира, постижении и осмыслении национальных духовных истоков. В сознании юных героев утверждаются нравственные ценности, формы воплощения которых в художественном повествовании своеобразны: они осуществляются посредством воспоминаний, образов небесных тел (звезды, луна), природных объектов (камни, горы).

В произведениях А. Теппеева «категория “памяти детства” становится важнейшим элементом эстетической основы их построения» [10, с. 65]. Так, сюжетообразующим ядром рассказа «Кёз тутхан жер» («Глазом

охватываемая земля») служат наполненные духовно-нравственным содержанием воспоминания, которые создают в повествовании лирико-философский подтекст («Сколько бы я ни тосковал теперь, я знаю, что не вернуть мне тех давних дней. Безвозвратно ушли они – мои белогрудые ласточки, подснежники мои, заполнявшие и дни, и сны весенним светом. Ранние звезды мои, горевшие вокруг меня, погасли, превратившись в сказки моего деда. Откуда бы я ни смотрел сейчас, те дни видятся мне одинаково добрыми, светлыми...» [14, с. 59-60]).

«Нарратив памяти» в анализируемых рассказах А. Теппеева отражает тенденцию литературного процесса 1960-1970-х гг. с характерной пространственно-временной локализацией повествующего субъекта, представленной в «двух его ипостасях: “я” взрослого (условно говоря, “внешнего” рассказчика) и “я” ребенка – участника и/или свидетеля рассказываемой истории (“внутреннего” рассказчика)» [8, с. 1086].

Посредством подобного вида художественной реконструкции прошлого исследуется «память детства» как философская категория, что способствует изображению нравственного облика юного героя. В рассказе «Глазом охватываемая земля» прослеживается духовное развитие мальчика, который, «неожиданно оказавшись между двумя мирами – между сказками деда и суровым его завещанием» [14, с. 66-67], испытывает чувство растерянности и вместе с тем в полной мере осознает, что в его жизни начинается новый ответственный период взросления и реализации накопленных нравственных ресурсов.

Магистральным ориентиром в духовно-нравственной эволюции героев А. Теппеева является принцип преемственности поколений. Духовные наставники детей – Джансох («Глазом охватываемая земля») и Жарнес («Чохана») имеют глубокие народные корни. Джансох завещает своему внуку не только «глазом охватываемую землю» («*кёз тутхан жер*»), но и заряжает мудрыми наставлениями следовать в будущем вековым горским традициям – «кто придет в твой дом с добром – будь достоин его, кто со злом придет – пусть в душе твоей горит месть» [Там же, с. 66]. В образах Джансоха, Жарнеса аккумулированы национальное сознание, миропонимание, философия осмысления жизни, этнопсихология горцев. Мировоззрение юных героев формируется под влиянием дедов, прадедов, их наставлений, которые делают их особенными и незаурядными. Через посредство поступков и действий старших транслируются духовные ценности народа, генетическая память рода. Герои, приобщая своих внуков и правнуков к национальным истокам, тем самым «мобилизуют» духовно-нравственные ресурсы подрастающего поколения в сложных кризисных ситуациях.

Проблема взаимоотношения детей и взрослых: психологический аспект

Воплощение темы детства в творчестве национальных писателей «неизменно предполагает сосредоточенность на художественном исследовании связи ребёнка с окружающей средой, в первую очередь, на проблеме семьи и дома» [7, с. 97]. В произведениях А. Теппеева («*Кёз тутхан жер*» – «Глазом охватываемая земля», «Чохана») юные герои чувствуют тепло родных людей (матери, деда), с уважением и любовью относятся к старшим. В детском восприятии Башира («Чохана») дед «Жарнес никогда ни с кем не ругался. Он был добрым, каких не бывает, можно было поклясться, что он даже ругательных слов настоящих не знает» [14, с. 70]. В рассказе «*Кёз тутхан жер*» («Глазом охватываемая земля») повзрослевший герой вспоминает своего деда Джансоха с чувством безмерной любви и благодарности. «Откуда бы ни шел свет тех дней, я всегда помню себя вместе с моим дедом. Дед – наставник моих детских дорог – всегда улыбается мне из тех дней... Чем больше отдаляются те волшебные дни от меня, тем ясней и глубже я чувствую тепло деда, слышу его слова; жизненные уроки его становятся четче, значительней и ближе... Никогда не забыть мне его глаза, как будто глядящие сквозь века» [Там же, с. 60]. Дед в памяти единственного внука остается ключевой фигурой, определившей его жизненную стезю.

Малая проза А. Теппеева, посвященная теме детства, наполняется новыми мотивами: ранним взрослением, невзгодами, душевными страданиями юного героя. В рассказе «Яблоки до весны» («*Асыралгъан алмала*») объектом художественного осмысления является психология мальчика, его эмоциональные переживания, основанные на сложных взаимоотношениях с близкими ему людьми. Судьба семилетнего ребенка, познающего жизнь в драматических жизненных ситуациях послевоенного времени, составляет магистральную сюжетную линию произведения. Камал ждет возвращения с фронта своего отца, «не сомневаясь, что он вернется» [Там же, с. 127]. Изображая социализацию ребенка, писатель художественно выявляет противоположность детского жизнеспособности и мировосприятия взрослых. Автор мастерски передает психологическую травму ребенка, связанную с драматическим для него решением матери Таужан выйти замуж за Даулета. В этой, казалось бы, тривиальной истории ребенок позиционируется жертвой в сложных взаимоотношениях с взрослыми.

Использование оценочных языковых средств, детализация предметного мира (яблоки, хранившиеся до возвращения отца; *велосипед*, который должен быть подарен отцом; *платье матери*; снятый со стены *портрет отца*) усиливают драматизм повествования, свидетельствуют об обострении конфликтной ситуации, назревшей между юным героем и матерью, впуская в их спокойную размеренную жизнь чужого мужчину. Появление в доме нового члена семьи приводит к отчуждению Камала от единственного в жизни родного и близкого человека. Выбор молодой женщины обрекает сына на безысходность. Обыденный мир, в котором пребывал мальчик со своими детскими мечтами и надеждами, рушится, что находит отражение в субъективных авторских сентенциях («В этот час жизнь его, беспечная, легкая, наполненная играми, любовью и лаской матери, ожиданием отца, отдалилась от него; умом своим детским он осознал, что жизнь его и жизнь матери – не одна жизнь, как было раньше, и как сама она говорила, а разные, и никогда они не будут снова так близки» [Там же, с. 129]). Таким образом, семейная идиллия в жизни юного героя подвергается

краху. Наделив Камала повышенной впечатлительностью, которая «формирует мировоззрение ребенка, делает его особенным и незаурядным» [15, с. 17], писатель раскрывает глубокие душевные страдания мальчика («Мирная весна буйствовала на земле, и слезы мальчика падали на нее, обильные и безутешные, первые слезы горького чувства сиротства...» [14, с. 139]).

Драматическая ситуация и, как следствие, пережитый стресс в жизни ребенка, не дождавшегося своего отца, обостряют его восприятие мира, трансформируют сознание, определяют судьбу, дорогу из мира безмятежного детства в мир уже недетской мечты («Сквозь слезы смотрел он вдоль дороги, которая вела к его горе, тайной его мечте... Не на коне Даулета... не на велосипеде отца... матери... сам он пойдет, дойдет до нее... гора, вырастая, увеличиваясь в глазах его, полных слез, казалось, начала приближаться к нему» [Там же]).

Рассказы, в которых ключевыми фигурами представлены дети, отличаются глубоким психологизмом: из повествования в повествование интерес автора к внутреннему миру своих героев усиливается. В небольшом произведении «Принци сютлей акълыгы» («Молочная белизна риса») рассказывается о драматических судьбах малолетних детей в годы депортации. В контексте народной трагедии художественно исследуется психология отношений ребенка и взрослых, обреченных в равной степени на физические и духовные страдания. Маленький Сафар, не дождавшись возвращения матери, которая ушла в поисках еды для детей, пытается найти кусочек хлеба для обессилевшего от голода младшего брата Самата. В рассказе писатель поднимает проблему гуманизма, ее идейно-нравственные аспекты, выраженные в поступках героев (противопоставляются родной дядя Сафара Татаркан и чужой безымянный мужчина). На основе эмоционально-чувственной характеристики передается сущность людей, с которыми вынужденно соприкасается голодающий ребенок на чужбине, определяется шкала человечности каждого из них в критических обстоятельствах. Писателю удается показать психологическую обусловленность социального поведения действующих лиц, акцентировав внимание не на ситуации, а на человеческой сущности героев рассказа. Мерилом человечности/бессердечности являются поступки персонажей, в которых неожиданно для маленького героя раскрываются новые представления о «своих» и «чужих». Так, Сафара постигает разочарование по отношению к родному брату отца. В эпизоде встречи мальчика с Татарканом писатель дает психологическую характеристику действиям последнего, обнажая его душевную скупость, отождествляемую с пригоршней кукурузы («*къош уууч нартюх*»), которая подается дрожащими руками («...Татаркан нерешительно подошел к мальчику, положил мешок на землю и встал перед ним на колени, будто ноги его подкосились. С большим трудом он развязал мешок. Сафар видел, как дрожали руки Татаркана...» [13, с. 130] (подстрочный перевод. – А. С.)).

Антиаргументом в повествовании является поступок безымянного персонажа – «приземистого худощавого человека» («*алаша къатангы адам*») – как пример наглядной иллюстрации гуманизма, чуткости, душевности. Проникшись состраданием и жалостью к маленькому спецпереселенцу, он не наказывает мальчика, укравшего у него горстку риса, напротив, безвозмездно отдает полное ведро риса, спасая тем самым детей от голодной смерти. В рассказе выстраиваются бинарные оппозиции «скупость – щедрость», «бессердечность – гуманность».

Как явствует из повествования, гуманности и благородства в хозяине ведра риса оказалось больше, чем в родном дяде Сафара. Гуманность как универсальная категория не соотносится с факторами родства, этнической принадлежности, социального положения. Высшая моральная ценность человека в понимании автора заключена в принципе гуманизма, в основополагающих этических категориях добра, справедливости, любви, толерантности.

Предметная деталь – ведро риса – в художественном тексте не наделена символической семантикой, она функционирует в качестве атрибута тяжелого детства на чужбине. Однако вынесенное в заглавие рассказа цветообозначение «сютлей акълыгы» – «*белизна молока*» интерпретируется как метафорическая модель – в значении светлого, доброго, коррелирующего с характером поступка безымянного героя рассказа.

Намеченный психологический конфликт выносится автором за пределы повествования, что дает читателю право самому оценить жизненную драму, рассматриваемую в рамках жестокой художественной действительности.

Неподдельно реалистические сцены, глубина философско-символических обобщений, развернутое изображение детской души, по справедливому утверждению исследователей-литературоведов, явились бесспорными свидетельствами высокого уровня мастерства писателя [2, с. 117; 4, с. 169].

Заключение

Из анализа рассказов А. Тепеева («Охватываемая глазом земля», «Чохана», «Белый ягненок с травинкой во рту», «Яблоко до весны», «Молочная белизна риса») следуют выводы о том, что писателю удалось мастерски раскрыть сложную «диалектику души» ребенка, показать духовно-нравственную эволюцию, социально-психологическую адаптацию детей в драматических условиях военного времени и депортации, исследовать когнитивный социальный процесс в экстремальных обстоятельствах исторической эпохи. Автор, фокусируя свое внимание на проблемах сиротства, трагической несовместимости войны и детства, преемственности поколений, взаимоотношений детей и взрослых, расширяет диапазон художественного исследования: он освещает различные стороны человеческого бытия (философские, нравственные, социально-психологические).

Детство как неотъемлемая часть художественной картины мира квалифицируется как духовный фундамент, на котором базируются взрослая жизнь героя и его нравственное совершенствование. Малая проза

А. Теппеева, посвященная детям, имеет ряд черт: детские воспоминания; мотивы природы; «детская» атрибутика (игры-забавы, животные). Художественная особенность рассказов А. Теппеева заключается в том, что они построены на мотиве памяти, возвращающей героев в их прошлое – в детство. Многомерность проблемы детства определяется генетически родственными духовно-нравственными концептами ДЕТСТВО И РОДИНА, ДЕТСТВО И ПРИРОДА, ДЕТСТВО И ПАМЯТЬ, ДЕТСТВО И СЕМЬЯ. Рассказы А. Теппеева отличаются выраженным психологизмом: автор, исследуя характеры, поведение героев, их отношения с окружающей средой, раскрывает внутренний мир каждого из них.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении темы детства как одного из ключевых идейно-тематических аспектов творчества А. Теппеева, которая в процессе эволюции художественного мышления подвергалась глубокому философско-эстетическому осмыслению в других жанровых формах. Как свидетельствует духовное наследие классика, на протяжении всего творческого пути он испытывал неизменный интерес к детству как эстетической константе, которая в зависимости от жанровой специфики наполнялась новым содержанием, и это служит, по сути, бесспорным доказательством многогранности таланта писателя. Красноречивым подтверждением сказанному являются повесть «Солнце не заходит», роман «Мост Сыйрат», трагедия «Тяжкий путь» – объекты научного анализа в наших последующих исследованиях.

Источники | References

1. Аджаматова Н. К. Возникновение и развитие кумыкской детской поэзии (конец XIX - первая половина XX вв.): автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 1994. 22 с.
2. Атабиева А. Д. Эволюция балкарской детской литературы (проблемы жанрового развития). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2008. 180 с.
3. Ефремова О. В. Русский рассказ о войне (1945-1955 гг.). Проблемы типологии. Майкоп: Ред.-изд. отдел Адыг. гос. ун-та, 2003. 56 с.
4. Жабоева-Тетуева Е. А. Художественная проза и драматургия Алима Теппеева. Нальчик: Эльбрус, 2012. 176 с.
5. Зимин В. Я. Тема детства в творчестве К. Д. Воробьева: автореф. дисс. ... к. филол. н. Орел, 2004. 28 с.
6. Каракотова М. М. Формирование жанров детской литературы карачаевцев и балкарцев: автореф. дисс. ... к. филол. н. Нальчик, 2007. 23 с.
7. Мамиева И. В. Образ детства в рассказах С. З. Хугаева // Известия СОИГСИ. 2016. № 19 (58). С. 95-104.
8. Мамиева И. В. Поэтика малой прозы С. З. Хугаева: нарратив памяти // Фундаментальные исследования. 2014. № 6: в 7-ми ч. Ч. 5. С. 1083-1087.
9. Мухамедова Ф. Х. Дагестанская детская литература. Махачкала: Дагест. науч. центр РАН, 2001. 377 с.
10. Мухамедова Ф. Х. Категория «памяти детства» как эстетическая основа повести А. Абу-Бакара «Мама, зажги солнце...» // Вестник Дагестанского центра РАН. 2016. № 62. С. 64-71.
11. Сарбашева А. М. А. Теппеев: творческая биография писателя в историко-литературном контексте // Кавказология: электрон. журн. 2020. № 1. С. 269-279. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-1-269-279.
12. Темаева Х. Н. Духовно-нравственный и художественный мир Чингиза Айтматова и его мотивы в северокавказской прозе: автореф. дисс. к. филол. н. Майкоп, 2010. 27 с.
13. Теппеев А. Гуппур Геуюзню кёпюрю (Мост горбатого Геуза): рассказы / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1978. 176 с.
14. Теппеев А. Яблоки до весны: рассказы, повесть / пер. с балк. Ю. Стефановича. М.: Современник, 1983. 269 с.
15. Черкашина Е. Л. Образ детства в творческом наследии И. А. Бунина: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 19 с.

Информация об авторах | Author information

RU Сарбашева Алена Мустафаевна¹, д. филол. н., доц.

¹ Институт гуманитарных исследований - филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

EN Sarbasheva Alena Mustafaevna¹, Dr

¹ Institute for the Humanities Research - Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik

¹ alenasarb@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.05.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): Алим Теппеев; тема детства; рассказы; Alim Teppeev; childhood theme; stories.